

Новая Польша 1/2018

0: Стихотворения

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ЗА НИХ ВЗЯЛИСЬ!

Гражданин ЦЕРХ,
что прикажете делать с хартией прав препарированного человека?
Его носилки и правую руку я поместил в витрину.
Слишком много света — купить шторы!
Как быть с туловищем, с головой? — Обязательно осветить лицо.
Хартию прав человека заменить картой болезни.
Это разбудит общественное мнение!
Усыпить и переселить, сон — это правомочная депортация.
Жена у него была? — Была.
Оплодотворить. Не важно, кто это сделает.
Детей не было.
Свидетелей не будет.
Мы ещё не всё знаем о тех, кто остался
при своих убеждениях.

А что они думают об этом?
Кто знает?
Кто-то должен знать. Да, у нас тут есть донесения двоих,
которым кажется, что они сильны... им кажется так потому,
что их двое; что они делают? — Пишут.
Купить их любой ценой, в обязательном порядке.

В критический день — где они находились?
Показания совпадают...
Мы там были недолго, видели, как над городом
восходила тень, беспросветный мрак подкрался с маленькой виселицей,
повязав красную фразу на шею, наши
двойники стояли во весь рост... ладно, ладно.
Улицы скандировали тишину, нагнетая страсти и анархию.

Это всё болтовня. А что делал тот, что повыше?
Стоял во весь рост с красной фразой наперевес и внимал
волнам вибрирующих голосов, а может, и песен, так он говорит.
Прыть, рождённая криком, знакомый мотив —
мы расшатываем фундамент их бытия.
Один из них утверждает, что он ГУМАНИСТ.

Где и когда он это утверждал? Есть его словесный портрет?
Описание внешности? Уточним. Итак?
Рост 173, вес 75 килограммов,
глаза цвета пепла, волосы выющиеся. Номер удостоверения личности
ПИС 201516. Номер военного билета ИПН 1943/2016.
Звание? — выше не прыгнешь, выраженные особые приметы.

Тем временем Рышард ест свой суп в молочном баре «Калибр»...
Довольно, ша; особые приметы и копию ОПИСАНИЯ ТЕНИ,
восходящей над городом, приобщить к делу.
...Где-то скрытые
от меня друзья азартно на меня доносят, где-то ещё
большое солнце что-то гортанно декламирует перед этими
нашими не слишком искушёнными вестниками нового слова...

Послать человека из города ГРУКС,
пусть выяснит все возможности их неизбежной смерти.

**ИЗ ДОКУМЕНТОВ ШЕСТОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА
ГРАЖДАНИНА К.К.**

С тех пор как ветер был подожжён воздухом демонстраций, деревья
отказались подчиняться,
а когда методический центр насилия запылал изнутри,
это сделали люди.

Сначала кости скрежетали под пилой,
но когда в ход пошли циркулярные пилы,
хорошее настроение уже не покидало поля боя. С тех пор как выросли гигантские отвалы вывезенных на
грузовиках
убеждений
и кончилось время героических подвигов зарезанной откровенности,
земля в тысячах мест провалилась вглубь, но не покинула поля боя.

Со времён гражданского презрения — дела отпиленных рук —
смерть согревалась в резком визге дипломатических шин,
а грибница дружбы успешно окружала представительства шеи.

Под кожей пропаганды пульсировало общее дело контрабандной жизни.
Со времён вшитого под кожу насилия любое преступление смердит
свежими ораторами в распахнутых журналистами дверях.

И потому, когда ты захлопнешь за собой последнюю дверь, убийцы разума
в нарукавниках вынесут административный приговор.

С тех пор как знамёна лозунгов стали национальным ритмом —
я нахожусь в состоянии войны со смягчающими обстоятельствами.

С тех пор как гетто дворца природы стало штатным окном в мир —
я нахожусь в состоянии войны со смягчающими обстоятельствами.

С тех пор как путевой дворец стал диктатором моды с показами
в роскошных подземельях —
я нахожусь в состоянии войны со смягчающими обстоятельствами.

С тех пор как центральный дом права и справедливости стал авангардом
массированной атаки на качество существования —
я нахожусь в состоянии войны со смягчающими обстоятельствами.

С тех пор как министерством знаков признано искусство конформизма —
я нахожусь в состоянии войны со смягчающими обстоятельствами.

С тех пор как министры социально-полицейских бригад произвели
нобилитацию бетонной стены —
я нахожусь в состоянии войны со смягчающими обстоятельствами.

С тех пор как люди говорят — всё искусственная вода,
а знамёна лозунгов стали национальным ритмом,
я нахожусь в состоянии войны со смягчающими обстоятельствами.

ТЕМ, КТО ПО НОЧАМ УСТАНАВЛИВАЕТ МИРОВОЙ ПОРЯДОК

Коричневые слова порождают красные слова — презрение смешивает цвета.
Не было ночи, я не мог принять мир, как он есть.
Договор между сном и реальностью атакован манифестом человека,

созданного для поддержки властей.
Зелёные мундиры — чёрные маски — красные очки,
каверзный блеск штыков и медленное кипение взвешенного мозга.
Болезни ног — фантазии рук, способных на что угодно.
На передней линии огня короткие очереди алкоголя,
сапогами разорван бег.
Вывожу семью на прогулку в масках, черным ходом дня,
уже нет времени на более надёжный маршрут.
Те, кто не успел снять скальп с языка, сделают это позднее.
Те, кому не хватило открытых слов, увидят их взаперти.
Подмоченное уважение дрожит на сеннике под небом звёзд,
диаметром глоток обусловлен калибр внутренней бомбы,
вплоть до внешних пределов, взорванных сверкающим нутром.

Наша рота поет:

ЕСЛИ Б НЕ БЫЛО НОЧИ

ЕСЛИ Б НЕ БЫЛО ДНЯ

Те, для кого мотив тьмы — оппозиция, сплочённая настолько,
что её могут увлечь коричневые слова, способны принять мир, как есть.
Тень случайной смерти будет требовать дня;
правда, карательные органы редко выходят за рамки опереточной
условности, но можно попробовать после.

Все подошли к окнам!

Свет был всюду погашен! Одно было ясно! Мы окружены!

ОКНА БУНТА БЫЛИ ОТКРЫТЫ

Иногда, действительно, возможен шанс прорыва
через минное поле жизни, шанс пережить свои раны.

Красные очки многократно усиливают свет заходящего солнца,
навевая безмятежность.

Ритуал — чёрные маски выбиты из стрелковых окопов.

Площадь Войны заросла свежесшитыми мундирами зелени.

Ночь прерывалась краткими приступами агонии.

На этот раз мы хорошо знали, что государство не обязано
достоверно устанавливать вину, что выражено тремя фронтами
языковых территорий, довольно бесцеремонно окруживших
наши позиции. Эмоционально чуждый грамматический строй
поставил правила игры на боевой взвод; коричневые команды смешались
в красном потоке, болезненное презрение двух наёмников
постепенно нарастало.

1: Голос орфического братства

Кшиштоф Мрозовский (1943–2017) принадлежал на рубеже 60-х — 70-х годов к числу самых активных и популярных в литературной среде поэтов поколения-68. У него изначально, учитывая цензурную блокаду, не было шансов пробиться со своими произведениями (чаще всего это развернутые поэмы) к широкой публике. Свои первые книги — в том числе большой сборник «Текст» — он публиковал крошечными тиражами за собственный счет. Несколько стихотворений удалось, благодаря Тымотеушу Карповичу, напечатать во вроцлавском ежемесячнике «Одра», еще несколько появилось в антологиях, фрагменты одной из поэм были помещены в журнале Ежи Гедройца «Культура». И это всё. Из-за постоянных отказов в публикации поэт отдалился от литературной жизни, но писать не перестал. Незадолго до смерти он издал книгу своих поздних текстов «Хозяин алфавита».

Выход этой книги — событие, которое трудно переоценить с историко-литературной точки зрения, но прежде всего — с чисто художественной. Можно сказать, «Хозяин алфавита» — поздний, очень поздний дебют одного из наиболее экспрессивно самобытных поэтов «Новой волны». Однако несомненно, хотя это может показаться парадоксальным, дебют не запоздалый. Более того: я бы сказал, что эта книга — своего рода вызов сегодняшним дебютантам, особенно тем, кого причисляют к авторам, склонным решать общественно важные проблемы. Так же, как в более ранних книгах Мрозовского, поражает энергетическая мощь текста. Стоит обратить внимание на двустилишие из авторского вступления: «Поэмы не требуют объяснений, а гордыня хаоса растёт/ по небрежению обычного человека». Обычный человек, homo vulgaris, может вырваться из хаоса, только предельно

сосредоточившись. Именно сосредоточенности требует поэзия, сфера существования тех, кто принадлежит, подобно лирическому субъекту, к «Орфическому братству острова Самос», о чем мы читаем в тексте, открывающем книгу. Существенный фон стихотворений, составляющих сборник Мрозовского, — орфический миф о сотворении человека, которому дан шанс вырваться из сетей обыденности в пространство счастья, — если человек будет культивировать в себе божественное начало.

Разумеется, это не единственная точка отсчета; поэт обращается ко многим источникам, переосмысливает мифы и библейские притчи. К примеру, в «Скальном парусе» он вызывает к жизни героя по имени ВОИ: «ВОИ любил Бога, который смешивал судьбы людские в ожиданье добра (...) ВОИ склонялся над собой». При невнимательном чтении можно не заметить, что герой этот — ИОВ. Почти незаметна и тонкая языковая игра в стихотворении «Социальная аномия»:

«Когда они пришли за определенными людьми, я не протестовал,
ибо я был человеком неопределенным».

Сочетание «определенные люди» неоднозначно (в оригинале: «pewni ludzie» — то есть «некие», «какие-то», и в то же время — «надежные», «те, в ком можно быть уверенным»). Сразу очевидна двусмысленность ситуации: что может означать выражение «пришли за определенными людьми»? За кем — за незнакомыми или за своими? Подобных нарративных приемов, требующих от «обычного человека» сосредоточенности, можно найти здесь гораздо больше, и это не надуманные речевые шарады, а попытка сопоставить ситуацию человека и ее словесное выражение. Можно перефразировать авторское замечание, сказав: да, «жизнь не требует объяснений», однако небрежение приводит к тому, что жизнь теряет смысл, погружается в хаос. При этом «лингвизм» Мрозовского идеально встроен в ход повествования, это не демонстрация способностей, а их применение ради смысла человеческого бытия, в противовес хаосу. Насыщенность образов, широта ассоциаций и творческая энергия подчинены здесь железной дисциплине.

Я хочу лишь отметить выход книги, требующей тщательного, детального рассмотрения. Не знаю (это уже на полях), имеют ли образы таинственных Трилетов, «продавших вавилонянам число Пи», какое-либо отношение к записанному в 1980 году альбому «Try let it all out» группы прогрессив-рока «Кэмел», одним из лидеров которой был Энди Латимер (Мрозовский пристально следил за рок-сценой). Важно, что эта поэзия постоянно работает и — благодаря более или менее далеким ассоциациям — расширяет свое содержание. Наложение смыслов ведет к созданию чуть ли не космического нарратива, в пространстве которого мифы сталкиваются с оригинальными плодами фантазии. При этом возникает репортаж о нашем «здесь и сейчас»: вращение небесных тел так же важно, как вращение предметов, их орбиты постоянно пересекаются и переплетаются. Распутывание переплетений может стать увлекательным занятием для специалистов по интерпретации поэзии, но читателям я бы не советовал углубляться в подобные занятия: надо принимать эти стихи в их тотальности и анархическом размахе.

Нелишне будет заметить, что герой этой поэзии во многом сродни Йозефу К. из «Процесса» Франца Кафки. Он гораздо более непокорен, чем тот, но также бьется в сетях порабощения, отнимающих свободу и чувство достоинства. Зато он наделен, что особенно важно, способностью к самозащите, что не позволяет системе превратить его в безвольного исполнителя навязанной роли. В сущности, эта поэзия — возвышенный манифест индивидуальной суверенности и готовности к бунту во имя прав и истин, поставленных под угрозу.

2: Западня для добрых людей

В Польше довольно редко проходят дискуссии о современных проблемах мира. Польские СМИ волнуют локальные темы: войны в сейме или очередные зачастую странные шаги польского правительства. Мир интересен нам исключительно как отклик на наши польские вопросы. Что о нас подумают другие? Кто и что о нас написал или сказал? Из-за чего мы опять стали посмешищем?

Одни журналисты стыдятся этого, другие считают, что, наконец-то, мы встаем с колен, хотя на самом деле лежим на лопатках. Одни издания пишут: надо принимать беженцев, другие — чтоб их ни в коем случае не впускать. Беженцев и исходящих от них угроз терактов больше всего боятся польские крестьяне (целых 60%). Должна признаться, что перед лицом этого факта я была довольно долго интеллектуально уязвима.

Чаще всего обо всем этом я читаю по утрам, с шести до семи, это мой утренний обзор прессы. 14 лет я живу в Берлине — в городе, где из общего числа 3,6 млн жителей 658 тысяч имеют гражданство другой страны, а мигранты составляют целый 1,123 млн (в самом Берлине проживает больше иностранцев, чем во всей Польше, где их почти 250 тыс.). У каждого пятого берлинца другой, не немецкий, паспорт, в том числе и у меня. После семи я иду на работу. Я — учительница немецкого языка в классе для беженцев и мигрантов. Работа учителя в

Германии, не то, что в Польше, ценится высоко и хорошо оплачивается. Мою профессию защищают сильные профсоюзы, а чтобы стать учителем, надо пройти довольно сложные процедуры.

Второй год я учу детей, которые прибыли в Европу в 2015 и 2016 году. До этого десять лет преподавала взрослым мигрантам и беженцам. Я знаю людей со всего мира, с каждого континента. Знаю сотни историй о побеге или об эмиграции, сотни мотивов, какими руководствовались эти люди, как они добрались до Европы и знаю, как выглядит их повседневная жизнь на этой вымечтанной земле, оказавшейся, что часто случается, совсем не той, какую они себе представляли. Можно неплохо узнать людей, проводя с ними ежедневно по шесть часов в течение всего года.

У меня были группы с четырьмя Мохаммедами, двумя Абдуллахами, Абдулрахманом, Гасаном, Фатимами и Хатидже из Турции; паном Войтеком — строителем из Ополя; поляком в большой нужде, который так никогда и не отдал мне одолженные 100 евро; целителем из Украины — инженером, работающим в колхозе, который возле лифта накладывал мне руки на голову — снимал боль от жизни в городе; с российским немцем, который не любил Германии; ливанцем, мечтающим жить в квартале, где одни только немцы, лишь бы подальше от остальных арабов; поляками, рожденными в казахстанском лагере; турчанкой, мечтающей о работе в немецкой фирме; пани Беатой — уборщицей в гостинице; польской студенткой, влюбленной в немца; русским, который во времена ГДР служил здесь солдатом и теперь расхваливал советский порядок мира; белым австралийцем с ливанскими корнями, который составлял коктейли в берлинских барах; агрессивной камерункой, которая чуть не избивала меня; гигантом из Сьерра-Леоне, который в детстве был чем-то вроде сына полка и который, как сам говорил, делал «страшные вещи», но на занятиях оказался необычайно спокойным и отзывчивым товарищем.

Помню веселого Джозефа из Ганы, который в срочном порядке искал себе немецкую девушку, чтоб иметь с ней ребенка, тогда бы его не депортировали; прелестную вьетнамку, которая в 70-е годы спаслась бегством от преследований; женщину из Чечни, которая ненавидела русских; информатиков из Беларуси и Украины; француза, сделавшего фотографию, которая стала символом падения берлинской стены; англичанина с польской фамилией, с которым я дружу по сей день, его отец во время Второй мировой войны был пилотом RAF Королевские военно-воздушные силы Британии (Royal Air Force). В авиационном сражении Второй мировой войны — в Битве за Британию — принимал участие также польский воздушный корпус, и рыжего южноафриканца, который ни бельмеса не понимал на занятиях и уговаривал Мохаммеда пойти на пиво — объяснял, что, мол, вечером Бог спит и ничего не видит.

По-разному сложились их судьбы. Счастливый Джозеф пришел похвастаться, что в Германии у него родился сын. Некоторые ходили в школу впервые в жизни и, наконец, умели читать и писать, хоть и не на родном языке, а по-немецки. «Лучше писать по-немецки, чем вовсе не писать», — сказал мне один ливанец, которого спустя годы я встретила в метро. Другие делали вид, что мы никогда не встречались и не мучились всем скопом, учась писать первые буквы латинского алфавита.

Помню польского малолетнего преступника, который с гордостью показывал мне документ, освобождающий его из тюрьмы на хорошее поведение. На каждой перемене он читал книги. Этот наголо бритый паренек помогал сирийцам разобраться в немецкой грамматике — тюрьма ведь тоже научила его кое-чему по-немецки. В группе его любили, хотя его литературной страсти не разделял никто. Помню учительницу музыки из Азербайджана, которая спросила меня: «Учительница, а Сталин был хороший или плохой?». Плохой, ответила я. Помню женщину из Таиланда, которую, как свою новую жену, привез в Германию муж, намного старше ее, и ежедневно заезжал за ней после занятий, давая понять, чем она занималась раньше. Помню прекрасную женщину из Бразилии, которая время от времени приносила нам свою выпечку — готовила она для очень богатой семьи, но иногда и нам перепадало. Помню парня из Нигерии, который не верил, что Германия проиграла Вторую мировую войну, и грозился, что проверит в интернете, потому что я — всего лишь полька-недоучка. Потом мы смотрели фильм о бомбардировках Берлина в 1945 году, а он то и дело выкрикивал: «Не верю!». Он обожал Германию, считал, что это лучшая в мире страна. Так считали и многие палестинцы, которые на занятиях о Катастрофе чаще всего выходили из класса или комментировали: «Правильно немцы сделали», чем доводили меня до бешенства.

Люди из черной Африки говорили, что на старость возвратятся к себе, что не смогут жить тут, в Европе, слишком уж стары, чтоб выполнять тяжелую физическую работу. Они откладывали деньги, строили там дома, в которых жила многочисленная семья. «Ты видела когда-нибудь здесь черных стариков?» — спрашивали они. Нет, это действительно редкость. «Мы бы хотели умереть среди своих». Я желаю им, чтоб в домах их мечты нашлась хотя бы одна свободная комната для них самих.

Я помню поляка, который подошел ко мне и по-польски сказал, что не хочет сидеть рядом с арабом. Я попросила его, чтоб нашел себе другое место или другую группу, поскольку это курс для взрослых, а я тут не для того, чтоб указывать, кто с кем должен сидеть. Я научилась никогда не вступать в дискуссию на такие темы. Он не пересел, и в последствии на каждой перемене вместе с этим арабом курил общие сигареты, привезенные, естественно, из Польши. Не знаю, о чем они разговаривали, но разговаривали нон-стоп. Те же проблемы были и у турок, которые не хотели сидеть рядом с темнокожими из Африки. Одна женщина пережила шок, узнав, что молодой африканец, сидящий с ней рядом — это врач из Штатов, потом она была приветлива с ним. Помню иракца, был он военным, сражался на американской стороне. И остался недовольным своей теперешней ситуацией. Еще одного парня звали Ленин, сколько же издевок он вытерпел из-за своего имени. Был он кардиохирургом из Центральной Америки и делал такой салат из авокадо — пальчики оближешь! Надеюсь, что сдал все экзамены и работает по специальности — он был настроен очень решительно, так же, как и его немецкая жена, красавица, тоже врач.

Помню чудесного сирийца из Варшавы, который, пожив в Польше пару лет, вернулся к себе, на берег Средиземного моря, а теперь из-за войны ему пришлось еще раз начинать жизнь сначала. На занятиях он сидел вместе с поляками, конспектировал по-польски, и с первого взгляда было видно — наш человек. Так его, впрочем, и звали: Ахмед-Поляк. Прекрасно помню палестинца по имени Иса (этим именем в Коране называют Иисуса), который прекрасно говорил по-польски, жил у нас в Польше много лет и так же, как его польские соседи, приехал в Германию за лучшим заработком. Он очень быстро нашел себе работу и пришел со мной попрощаться, очень он любил Польшу, имел польское гражданство, польскую жену и польских детей.

Когда кто-нибудь в Польше спрашивает меня, что я думаю о мигрантах, я начинаю разговор именно так. Мой собеседник обычно недоволен: «Ничего конкретного! Не говоришь, какие они! Что это значит, что они разные? А вообще-то ты знаешь мусульман?». Да, три четверти из перечисленных тут людей исповедуют ислам.

Некоторые из них убеждены, что это самая лучшая религия в мире, единственно верная. Чаще всего эти люди мрачны и высокомерны. Они ведь знают правду и презирают тех, кто не удостоился милости быть мусульманином. Больше всех они презирают других мусульман, тех, что не веруют крепко и, что самое главное, как надо! Точно так же и польские национал-католики — те тоже питают отвращение к остальным, оскорбляя людей иных взглядов или иного стиля жизни. Такая модель поведения действительно универсальна, она не зависит от религии или вероисповедания, ее заметит любой наметанный глаз.

Другие подходят ко мне и по секрету говорят: «А я иногда могу выпить ракии или пива, о Боге я особо не думаю». Третьи говорят, что ненавидят остальных мусульман, потому что те все время за ними шпионят, а они хотят быть свободными, такими, как мы в Европе. У женщины без хиджаба могут быть радикальные взгляды, а та, что закрыта с ног до головы, кроме маленького окошка для лица, может свободно мыслить, а одевается она так, чтобы семья оставила ее в покое.

Я научилась быть осторожной с людьми, которых боятся свои же земляки. Одного молодого сирийца из моей группы боялись все. Красив, остроумен, прекрасно учился, но его не любили, избегали его, он хвастался, что был на войне. Не боялся никого и ничего, а меньше всего немецких чиновников. Ему импонировало, что сирийские девушки, завидев его, опускают голову. Когда на моих занятиях он стал высказываться типа: самое плохое в Европе — это женщины, а я спросила, почему он так считает, он прокричал: «Я не обязан тебе отвечать!» — вот тогда я была сыта по горло такой работой. Это был парень из миграции «осень — 2015». В той же группе Мухаммад не реагировал на имя Мухаммад, подросток из Алеппо не хотел пользоваться арабско-немецким словарем, потому что не знал арабского, а когда к нашей группе присоединились два студента из Алеппо, стал говорить, что он из другой местности. Мужчина где-то после сорока был записан в журнале, как двадцатилетний юноша, девушка, зарегистрированная, как лицо с высшим образованием, не умела писать и не понимала слова «университет»... И так далее и тому подобное.

Какова же правда о беженцах? Может ли существовать одна-единственная правда о миллионе людей, решивших остаться в Европе? Знала ли Германия, впуская в страну море людей без документов, какой это риск и какой будет политическая цена эксперимента, в котором мораль стала выше закона? Можно ли кого-либо обвинять в том, что он представляется сирийцем, если убежище получают только сирийцы? А если б я была женщиной из Ирака, разве не представилась бы женщиной из Алеппо? Наверное, представилась, если б ни за что на свете не хотела возвращаться в Ирак. Имею ли я право чувствовать себя лучшей только потому, что родилась в Европе? Чем поляки, которые в 80-е годы рассказывали, что их преследует коммунистическая власть, а на самом деле они просто хотели улучшить свои экономические условия, были лучше этих бедняков? Разве немцев, которые осенью 2015 года приветствовали на вокзалах детей цветами и игрушками, интересует, что с этими детьми происходит спустя два года, или это уже забота социальной опеки государства? Кто теперь чувствует себя лучше — тот, кто дарил подарки, или тот, кто их получил?

Кого интересует судьба десятилетней девочки, которая уже четыре года не видела своей мамы и еще долго ее не увидит, потому что получила краткосрочную визу, а мама может приехать только на визу трехлетнюю, а такой девочка не получит, чтоб мама не смогла приехать, потому что тогда политикам не придется объясняться из-за очередного наплыва людей в рамках воссоединения семей. Кого интересует судьба афганского мальчика, который родился в Иране, в школу ходил в Турции, пешком дошел до Германии, попал в Финляндию, там ходил в школу, из которой его депортировали снова в Германию, так как здесь у него сняли отпечатки пальцев, а теперь его ждет очередная депортация — в неизвестную ему страну, страну, в которой он никогда не был, то есть в Афганистан.

Один мальчик спросил меня, верю ли я в Аллаха, я ответила, что нет. Он расплакался и сказал, что я попаду в ад, а он меня любит и не хочет, чтоб я туда попала. Я его заверила, что у нас, христиан, другой рай, и я там буду. «Скажу папе», — обрадовался он. Что в голове у родителей этого мальчика, живущих на немецкие деньги и рассказывающих детям такие вещи? Да, я знаю теорию, дескать, это деньги от Аллаха или что, мол, Саудовская Аравия тайком платит Германии за каждого мусульманина — я это слышала не один раз. И я довольно часто задумываюсь, найдем ли мы общий язык, чтобы не убивать друг друга.

Вижу, как спустя год отсталая и агрессивная особа, становится открытой, потому что начинает осознавать, как функционирует мир вокруг нее. Она знакомится с другими европейцами, вместе они идут куда-то поесть, выпить чаю, где женщины жалуются на своих мужей и детей, а мужчины выкуривают не одну сигарету, и вот уже этот чужой мир становится более объяснимым и менее грозным. Некоторые обнаруживают, что особа в декольтированной блузке и мини — это не падшая женщина, а симпатичная, несущая помощь другим мать двоих детей. Другие понимают продавцов в магазинах и перестают бояться выходить из дому.

Я помню Фатиму, которая открыла, что ее муж на чате переписывается с девушками и рассказывает им, что ему 26 лет. Он как-то не выключил чат. Как же она смеялась над ним, ведь он, призналась она мне, на самом деле — старый дурак и алкоголик. Как она была горда собой, что поняла написанное, без чьей-либо помощи прочла текст и имела возможность отыгаться. А привезли ее из Турции в возрасте 16 лет, неграмотную, многие годы свекровь не разрешала ей выйти из квартиры. Фатима готовила и убирала для их многочисленной семьи. Не знала, как называется улица, на которой жила. Только когда умерла свекровь, она начала ходить по магазинам, сначала с сыном, потом с турецкой соседкой, и, наконец, сама, поскольку мужу хотелось выпить, и он разрешил ей выходить из дому. Вот так она купила себе первую новую одежду. В сорок лет Фатима решила не носить хиджаб и не стыдиться того, что она из алевитов. Она не любила Турцию и не хотела туда ездить. Она показывала мне фотографии незаконченного дома, который муж ее начал строить лет двадцать назад. Дом для огромной семьи для нескольких поколений. Что у нее теперь в жизни: муж-пьяница, безработный сын, который не может найти себе девушку, потому что всех презирает. И, конечно, второй сын, у которого немецкая семья. По понедельникам она приносила мне лимонный пирог. Была она одной из самых жизнерадостных на курсе, счастливая, что что-то делает для себя. Мужу пришлось с этим смириться, иначе она бы не могла получать пособие. Стоит ли добавлять, что деньгами распоряжался он. Спустя 26 лет жизни в Берлине она впервые посетила со мной Бранденбургские Ворота. Таких людей, вообще не знающих города, в котором живут, было по несколько человек в каждой группе. В Берлине есть улицы и кварталы, где знание немецкого совсем не нужно — там живет старая эмиграция с Востока. В 2015 году к ней прибавилась новая. Старая эмиграция не любит этих новых: «Когда мы приехали, нам ничего не дали, а у этих есть все! Слышали, какие деньги, какие квартиры они получают?»

Волна мигрантов, докатившаяся до Европы в 2015 году, была первой, но наверняка не последней. Африка перенаселена. Ближний Восток, Афганистан тоже не станут безопаснее. Все это страны, где полно молодых людей, у которых нет перспектив получить профессию и работать по специальности, но зато есть доступ к интернету и телевидению — там они видят наш прекрасный, зажиточный и красочный мир.

Что делаем мы, у себя в Польше, чтобы подготовиться к миграционным волнам, ведь не все же верят, что достаточно окружить себя каменной стеной, и к нам никто не проникнет. Знаем ли мы, сколько у нас в стране людей, говорящих по-арабски, на фарси или знающих языки Африки? Уважаем ли мы наших ныне тут живущих иностранцев или поляков, родившихся в Ливии, Тунисе или Судане? А они могут быть экспертами, теми, что помогут ответить на новый вызов — переводчиками, соцработниками, ассистентами, руководителями проектов. Понимают ли поляки, что мир не совсем бел или не весь католический? Пришло ли кому-нибудь в голову уже сейчас создать такие штабы советников? Думаю, что ничего подобного не происходит. Слышны только слова и высокомерные декларации о защите Вены от турок³Здесь, в Вене, в 1683 г. произошло историческое сражение польско-австрийско-германских войск под командованием короля Польского и Великого князя Литовского Яна III Собеского и войсками Османской империи. Победа христиан положила конец завоевательным войнам Османской империи на европейских землях.

Глумимся над разумом?!

Польские правые не только одурманены большой версией религии, как и радикальные мусульмане, они, к тому же, глубоко антиинтеллектуальны — что в большей степени объединяет эти две группы, нежели разделяет. Миграции происходили всегда, и всегда бедные шли туда, где, как они думали, будет больше шансов на лучшую жизнь для их детей. Эти слова, что всё, что мы делаем, делаем не для себя, а для своих детей, я очень часто слышу как от поляков, так и от турок. В культурном отношении мы очень похожи, даже женщины за столом одинаково всем прислуживают, в то время как немецкие женщины пьют кофе и ведут интересные разговоры.

Через несколько лет дети из моего класса станут взрослыми и большинство из них не получит никакого образования. Они прибыли в Германию в возрасте 11-12 лет, а это слишком поздно, чтобы подогнать математику, биологию, физику, английский, историю и литературу. У них не будет свидетельства об окончании начальной школы, они не смогут пойти в среднюю школу и не смогут учиться каким-либо профессиям вместе со своими немецкими ровесниками. Большинство закончит свое образование в возрасте каких-нибудь 16 лет после каких-нибудь курсов. У них будет знание немецкого и руки для плохо оплачиваемой работы. Но несмотря на это, будут ли они счастливы или кто-то радикализует их разочарования? Не знаю. Не знаю также, будет ли немецкий тинейджер счастлив в своей стране. Не знаю, где буду я сама.

Помогла ли бы я тем людям, с которыми познакомилась в эти годы? Помогла бы. Может ли Европа проиграть? Может. Что сделают Германия и Франция? Приспособятся к новой ситуации и ограничат потери? Что сделают поляки? Снова проиграют восстание, на сей раз защищая религию, версия которой уже много лет как никого в мире не интересует? Судно уже вышло из порта, набитое до отказа.

3: Хроника (некоторых) текущих событий

- Фрагменты выступления президента Анджея Дуды в связи с праздником независимости 11 ноября в Варшаве (выступление не было опубликовано в печатных СМИ). «Мы должны помнить, что самое важное — это верность отечеству, интересам народа, интересам каждого нашего гражданина. Эти ценности превыше всего. Они важнее наших идейных разногласий. Важнее наших полемик и конфликтов, при этом любая полемика, даже самая принципиальная, должна подталкивать стороны к диалогу и поиску согласия. Только так мы сможем выстроить фундаментальные основы нашего государства». (www.prezydent.pl, суббота, 11 ноября)
- Фрагменты выступления председателя партии «Право и справедливость» Ярослава Качинского по случаю дня независимости 11 ноября в Кракове (выступление не было опубликовано в печатных СМИ). «Мы должны стремиться к национальной консолидации. (...) Разумеется, я не имею в виду тех, кто с выгодой пользовался той порочной системой, от которой мы сейчас решительно отказываемся, не имею в виду людей, одержимых левацкими идеями. (...) Мы сбрасываем сейчас с наших плеч тяжелый мешок камней, который наш народ таскал на себе с 1989 года, мешок с коррупцией, злоупотреблениями, воровством, аморальностью и ненавистью к польскому патриотизму, польскому чувству народного единства. (...) Мы стремимся к идеалу Польши, которая будет гордой, независимой и сильной страной. (...) Мы будем делать все, чтобы общественное самосознание, духовность нашего народа, уверенность в собственных силах и уважение к своей независимости постоянно росли (то есть проводить “перековку”, как сказали бы в сталинские времена – В.К.). (...) Мы должны бороться за наши права. (...) Французам, евреям и многим другим заплатили за ущерб, который они понесли во время Второй мировой войны, а полякам — нет. (...) Это наше требование, и требование абсолютно серьезное». («Польска агенция прасова», 11 нояб.)
- 11 ноября «в Марше независимости, который по традиции прошел в этот день в столице, приняли участие около 60 тыс. человек». («Жечпосполита», 13 нояб.)
- «Во время Марша независимости наши неонацисты шли под флагами с кельтскими крестами. (...) Ни организаторы, ни полиция не реагировали на фашистские лозунги. (...) Из приглашенных на субботний марш зарубежных гостей присутствовали, в частности, Роберто Фиоре, лидер итальянской неонацистской организации “Forza Nuova” (“Новая сила”), а также представители крайне правых организаций из Венгрии, (“НВИМ 64” (“Шестьдесят четыре округа”) и “Йоббик”), Испании (“Национальная демократия”) и Словакии (“Наша Словакия”). Специальным гостем марша националистов во Вроцлаве, в ходе которого произошли беспорядки, была Джайда Франсен, лидер крайне правой антииммигрантской и антимусульманской партии “Британия превыше всего”. (Яцек Харлукович, «Газета выборча», 13 нояб.)
- «12 активисток движений “Граждане Речи Посполитой” и “Варшавская забастовка женщин” развернули транспарант “Нет фашизму!”. Их оскорбляли, пинали и плевали. (...) “Суки!”, — кричали им проходившие мимо так называемые простые люди. (...) Полтора десятка парней в балаклавах, участников марша, были вынуждены окружить женщин кордоном, поскольку тем грозило линчевание. “Мы хотим Бога”, — таков был лозунг Марша независимости. Но были и другие лозунги: “Белая Европа братских народов”, “Белая сила, Ку-клукс-клан”, “Национал-социализм”, “Все разные, все белые”, “Евреям не место у власти”. Священники, пенсионеры, семьи с детьми, харцеры, студенты, школьники шли бок о бок с неонацистами и расистами. (...) Вы

были там! И ваше согласие со всем происходящим — это самое страшное». (Войцех Карпешук, «Газета выборча», 13 нояб.)

- «У итальянцев фашистский марш ассоциируется с походом на Рим. (...) Они очень чувствительны к этой теме, поскольку у них та же проблема. “Как вы могли пригласить Роберта Фиоре?”. Как будто это я его приглашал. (...) Меня пугает не то обстоятельство, что в марше участвовали 60 тысяч человек, меня пугают лозунги, которые сегодня появляются по всей Европе. Меня пугает отсутствие реакции со стороны министерства внутренних дел. А также его запоздалая лицемерная реакция и совершенно непрофессиональное поведение. Вот что страшно», — Ежи Штур, актер, режиссер. («Газета выборча», 7 дек.)

- «За день до (...) Марша независимости мэра Варшавы в очередной раз обратилась к министру юстиции с просьбой запретить “Национально-радикальный лагерь”. (...) С этой же просьбой она обращалась к министру в сентябре прошлого года. (...) В июне прошлого года по распоряжению вице-министра внутренних дел Ярослава Зелинского из программы обучения полицейских был изъят учебник “Преступления на почве ненависти”». (Кацпер Сулёвский, «Газета выборча», 14 нояб.)

- «Марш независимости — это прекрасная инициатива национально-патриотических организаций. (...) Жаль только, что мы обсуждаем различные эксцессы, а не замечательную гражданскую позицию наших соотечественников. (...) Я не оправдываю этих эксцессов, но гораздо большей проблемой мне представляются антикатолические и антиклерикальные призывы, с которыми в нашей католической стране (sic! — Виктор Кулерский) выступают некоторые участники общественной жизни», — депутат Томаш Жимковский. («Жечпосполита», 14 нояб.)

- «Проанализировав записи камер наблюдения на Марше независимости, полиция все-таки решила возбудить несколько дел. (...) Заявления о совершении преступлений уже направили в прокуратуру партия “Современная”, (...) президент фонда “From the depth”, которых оскорбили такие лозунги, как “Евреи, вон из Польши!”». (Изабелла Кацпшак, Гражина Завадка, «Жечпосполита», 14 нояб.)

- «После марша Совет еврейских религиозных общин направил в прокуратуру уведомление о публичном оскорблении группы лиц в связи с их этнической и религиозной принадлежностью. (...) “Мы говорили председателю Качинскому, что на этом марше звучали угрозы и оскорбления в наш адрес, и что это уже серьезная проблема. Я благодарен тем представителям власти, которые все-таки отреагировали”, — рассказал нам раввин Микаэль Шудрих. (...) Леслав Пишевский: “Мы встречались в прошлую пятницу перед шабатом. Беседовали целый час. Председатель Качинский продемонстрировал глубокое понимание ситуации, осведомленность и отзывчивость. Он пообещал, что поможет договориться о встрече с министром внутренних дел Мариушем Блащакон”. (...) Шудрих и Пишевский также поделились с Качинским информацией о том, что в последнее время участились инциденты антисемитского характера». (Дорота Высоцкая-Шнепф, Михал Вильгоцкий, «Газета выборча», 21 нояб.)

- «Это ужасно, когда один гражданин говорит другому: “Тебе здесь не место”. (...) Для большой демократической страны нет ничего хорошего в том, что какая-то группа граждан говорит другой: “Вам здесь не место”. Можно понять, что кто-то вам не нравится, это не смертельно. Но когда мы слышим “Евреи, убирайтесь в Палестину!” — это самое настоящее зло. Мы друг для друга соотечественники — место в Польше есть для всех нас. (...) На наших глазах происходит нечто очень скверное, развивается крайне негативный процесс. Вся эта ненависть по отношению к части граждан Польши. И не только к ним, поскольку она направлена и против иностранных граждан. Это ненависть очень опасна для души Польши», — главный польский раввин Микаэль Шудрих. («Польска», 1-3 дек.)

- «На вопрос агентства “SW Research”, должны ли понести уголовную ответственность организаторы Марша независимости, в ходе которого скандировались антисемитские, фашистские и расистские лозунги, 63,5% опрошенных ответили утвердительно, 18,5% — отрицательно, а 18% не определились с ответом». («Ньюсуик Польска», 20-26 нояб.)

- «На вопрос Института рыночных и социологических исследований, считаете ли вы Марш независимости патриотическим мероприятием, а имевшие на нем место проявления национализма и антисемитизма — несущественными эпизодами, 43,9% опрошенных ответили утвердительно, а 43,7% — отрицательно». («Жечпосполита», 22 нояб.)

- «В субботу во Вроцлаве “Всепольская забастовка женщин”, местный Комитет защиты демократии, движения “Граждане Речи Посполитой” и “Демократическая инициатива”, а также партии “Вместе”, “Зеленые”, “Современная” и Союз демократических левых сил провели манифестацию против “нарастающей волны фашизма, расизма, антисемитизма и ксенофобии”». (Клаудиа Дадур, «Газета Польска цодзенне», 20 нояб.)

- «Еще в 2014 году только каждый пятый поляк заявлял, что слышал по телевизору резкие высказывания против мусульман и украинцев, а сегодня почти половина наших соотечественников слышит в СМИ неуважительные сентенции в адрес исповедующих ислам (на негативные отзывы об украинцах обратил внимание каждый четвертый). (...) В интернете два года назад менее половины поляков сталкивались с травлей евреев, мусульман и украинцев, сегодня же на антисемитские высказывания обратили внимание 75% молодежи, а 80% молодых людей сталкивались с негативными отзывами о мусульманах». (Конрад Войцеховский, «Дзенник газета правна», 11-12 нояб.)

- «На пограничном переходе в Медыке в субботу был задержан Святослав Шеремета, секретарь украинской межведомственной комиссии по делам увековечения памяти участников антитеррористической операции, жертв войны и политических репрессий. У него была немецкая виза, разрешающая въезд в страны Шенгенского соглашения. Запрет на въезд в Польшу был мотивирован якобы антипольской позицией Шереметы. Украинский МИД срочно вызвал польского посла в Киеве». («Газета выборча», 20 нояб.)
- «Восхваление Национальных вооруженных сил (польская подпольная военная организация времен Второй мировой войны, отличавшаяся крайне националистическими взглядами и время от времени взаимодействовавшая с немцами в целях борьбы с Красной армией — примеч. пер.) кончится тем, что нам придется оправдываться как коллаборационистам, сотрудничавшим с Гитлером. (...) Мы говорим украинцам: “Вы не имеете права героизировать УПА”. Они же отвечают: “А поляки имеют право героизировать НВС?”. (...) Лех Качинский знал, что ради построения конструктивного будущего необходимо быть очень сдержанным при разговоре о своих обидах. А все для того, чтобы диалог не превратился в соревнование пострадавших. Нынешний правящий лагерь уничтожает достижения Леха Качинского», — проф. Анджей Фришке. («Ньюсуик Польска», 6-12 нояб.)
- «Украинское правительство не указывает полякам, чьи имена должны носить польские улицы. А поляки рассказывают нам, кто из украинских исторических деятелей хороший, а кто плохой. Польский президент и министр требуют, чтобы люди, которые, по их мнению, занимают антипольские позиции, ушли из украинской политики. (...) Ни один украинский политик, включая президента, не дает оценку взглядам польских политиков на историю и не комментирует работу историков, на которых ссылается власть. Ни один украинец не посоветует вам посыпать голову пеплом и рассказывать вашим детям, что вы были колонизаторами восточных территорий, что до войны на польской части Украины был самый высокий уровень безграмотности в Европе, средневековая нищета, социальное неравенство и угнетение по национальному признаку. А поляки учат нас, как нам относиться к нашей собственной истории. На украинских паспортах никто не собирался размещать, к примеру, виды Перемышля. А на польских планировали разместить изображение Лычаковского кладбища, поскольку это польский национальный символ. Когда-то на Украине очень многие думали, что за нашей западной границей живут наши друзья. (...) Все меньше украинцев говорят: “Польская власть — это еще не вся Польша”. Сейчас, скорее, распространено другое мнение: “Что вам, черт побери, от нас надо? Что вы себе позволяете?”», — Оксана Забужко. («Газета выборча», 18-19 нояб.)
- «Ненависть к разнообразным “чужим” и насилие по отношению к ним приобрели в Польше систематический характер, это уже не просто отдельные эпизоды. Патриотизм, опирающийся на чувство собственного превосходства, на ненависть, насилие и даже простое недоверие, противоречит духу и букве Евангелия. (...) Когда у радикальных националистов появляются свои капелланы, когда на мероприятиях, открыто пропагандирующих ненависть, проводятся богослужения, вся католическая Церковь становится соучастницей этого растления», — Мартин Напюрковский. («Тыгодник повшехны», 12 нояб.)
- «Поляк должен в первую очередь задаваться вопросом, как стать зрелым гармоничным человеком, а не рассуждать без конца, что значит быть поляком», — Кристиан Люпа, театральный режиссер. («Тыгодник повшехны», 26 нояб.)
- «Премьера “Процесса” Кристиана Люпы, самого выдающегося польского театрального режиссера (...), долго откладывалась. (...) Кристиан Люпа не скрывает, что он с ужасом смотрит на происходящее в польской культуре. “Речь не только о театрах и музеях, — говорит он. — Появилась абсурдная концепция создания властью нового образа искусства, его переустройства. Это уже пытались делать коммунисты и фашисты. Казалось, что после событий Второй мировой войны это уже никогда не повторится». (Яцек Чесляк, «Жечпосполита», 15 нояб.)
- «Политическая верхушка, управляющая страной с 2015 года, четко определила свою цель: отменить общественный плюрализм и подчинить жизнь поляков и полек аппарату национального государства», — пишут организаторы форума «Будущее культуры», который прошел 18 и 19 ноября в театре «Повшехны» в Варшаве. Форуму предшествовал цикл дискуссий в Белостоке, Гданьске, Кракове, Люблине, Щецине и других городах. (Петр Косевский, «Тыгодник повшехны», 26 нояб.)
- «Цензура не закончилась вместе с коммунизмом. Сегодня она по-прежнему существует, приобретая иногда более страшные формы. (...) В те времена цензура была институтом государства. (...) Сегодня цензор все чаще обнаруживается в нас самих. (...) Устанешь перечислять проекты, от которых пришлось отказаться, чтобы не оскорблять чувства верующих», — Анджей Понговский, художник-график. («Газета выборча», 13 нояб.)
- «Под руководством проправительственных воевод продолжается смена названий улиц. Меняются школьные программы, списки литературы, экспозиции в музеях. Захваченные ПИС культурные институты уже начали историческое “переобучение”». (Мариуш Яницкий, Веслав Владыка, «Политика», 22-28 нояб.)
- «“Я бы хотел, чтобы дворец культуры и науки исчез из центра Варшавы. Я мечтаю об этом уже сорок лет”, — заявил вице-премьер и министр финансов и развития Матеуш Моравецкий. (...) Вице-министр национальной обороны Бартош Ковнацкий уверяет, что военные смогли бы взорвать дворец. (...) Петр Глинский, вице-премьер и министр культуры и национального наследия, заявил, что он не возражал бы против сноса дворца. Это вызвало жаркую общественную дискуссию — не собирается ли правящая партия отпраздновать столетие польской независимости посредством превращения центра Варшавы в огромный кратер? (...) Антикоммунизм — это

состояние ума, охваченного ненавистью», — Кшиштоф Пулавский. («Пшеглэнд», 21 нояб. — 3 дек.)

- «Судя по шуму в прессе, они взорвут дворец культуры и науки. (...) Затем, без сомнения, примутся за Мальборк. (...) После Мальборка — триумфальное возвращение в Варшаву, где будет взорвана царская система водоснабжения и канализации, а заодно и цитадель. Потом можно будет ударить по Вроцлаву и Гданьску, переключиться на Познань, а там и до Щецина руки дойдут. Одновременно оптом взрываем школы, построенные в ПНР к тысячелетию Польши. (...) Что дальше? (...) Взорвемся сами», — Ян Клята, театральный режиссер. («Тыгодник повшехны», 26 нояб.)
- В Беловежской пуще «с применением мощного оборудования уничтожено целое молодое поколение живых деревьев, росших под защитой старых. Полностью уничтожен и подлесок. (...) Места, где работали “харвестеры”, выглядят, словно полигон, по которому ездили танки. (...) Даже через сто лет эти лесные участки не вернутся к своему естественному состоянию. (...) С начала этого года до конца октября вырублено как минимум 170 тыс. кубометров древесины, что в три раза больше, чем ежегодно вырубалось в 2011-2016 годах. Около половины вырубленных деревьев пришлось на участки, охраняемые ЮНЕСКО и законодательством ЕС (древостой, насчитывающий сто и более лет). (...) Сначала это делалось под предлогом борьбы с жуком-короедом, затем (...) под видом мер “общественной безопасности”. (...) Государство теряет на вырубке вдвойне. Во-первых, это имиджевые потери. (...) Во-вторых, государственный бюджет много теряет из-за огромных бессмысленных дотаций из Лесного фонда на содержание трех нерентабельных надлесничеств. (...) Выплачивать в течение шести лет 106,6 млн злотых на поддержку трех надлесничеств (...), которые никогда не будут самостоятельны в финансовом отношении — это самая настоящая халатность», — проф. Веслав Валанкевич, институт биологии Природно-гуманитарного университета в Седльце. («Жечпосполита», 7 дек.)
- «В 2015 году на воле обитало свыше 5 тыс. черных носорогов и 4 тыс. зубров. В Африке выдано разрешение на отстрел всего лишь двух носорогов. В Польше дано разрешение убить несколько десятков зубров. Государственный совет охраны природы выступил против отстрела животных (...), когда надлесничество Кобюор отправило на отстрел шесть молодых, здоровых быков. (...) Из 39 человек, состоящих в совете, 32 было отозвано», — проф. Рафал Ковальчик, директор Института биологии млекопитающих Польской академии наук в Беловеже. («Газета wyborcza», 27 нояб.)
- «С должности директора Беловежского национального парка вчера была уволена Олимпия Пабиан. (...) Экологи говорят, что причиной увольнения стало ее противодействие планам по отстрелу зубров». («Газета wyborcza», 16 нояб.)
- «Приехали специально из Гданьска. Искали меня, расспрашивали, как давно я нахожусь за границей и когда буду в Польше. Оставили номер телефона агента Центрального антикоррупционного бюро, который должен будет меня допросить в связи с некими моими действиями, которые якобы нанесли вред музею Второй мировой войны», — рассказывает проф. Павел Махцевич, создатель и теперь уже бывший директор музея Второй мировой войны. («Газета wyborcza», 30 нояб.)
- «Махцевич уволен, так же, как уволены генералы (около тридцати), послы (62 за последние два года), судьи, директора института книги, института Адама Мицкевича, института киноискусства. Всех, кто сделал что-то хорошее и достойное, вышвырнули, а на их место поставили своих людей», — Даниэль Пассент. («Политика», 6-12 дек.)
- «Военная жандармерия задержала в среду бывшего начальника Службы военной контрразведки генерала Петра Пытеля. (...) Как заявил министр обороны Антоний Мацеревиц, (...) Пытелю предъявлены обвинения в связи с его нелегальным сотрудничеством с российской ФСБ». («Жечпосполита», 7 дек.)
- «Генерал Януш Носек, бывший начальник Службы военной контрразведки генерала обвинен в “оказании помощи иностранной разведке”. (...) Задержание генералов вызвало шок. (...) Оба они были начальниками Службы военной контрразведки при коалиционном правительстве “Гражданской платформы” и Крестьянской партии ПСЛ. (...) О задержании генерала Пытеля в его доме под Краковом написала в Твиттере его жена. (...) Генерал Носек не раз говорил, что обвинения в его адрес имеют сугубо политическую подоплеку. От дачи показаний в прокуратуре он отказался». (Войцех Чухновский, Павел Вронский, «Газета wyborcza», 7 дек.)
- «В Польше заведено как минимум 619 дел в отношении участников демонстраций — об этом говорится в отчете “О действиях аппарата государственного принуждения в отношении граждан, выступающих против неконституционной политики власти, вырубки Беловежской пущи и фашизации общественной жизни в Польше”. Авторы отчета — Агнешка Вежбицкая из “Варшавской забастовки женщин”, Ивона Вышогродская, активист движения “Граждане Речи Посполитой” и Патриция Тоцкая, сотрудник аппарата сенатора Богдана Клича». (Магдалена Курса, «Газета wyborcza», 20 нояб.)
- «Границы смещаются на наших глазах. Усиление контроля власти над прокуратурой и общественными СМИ, расширение полномочий спецслужб и рост влияния на суды — все это сужает наши возможности в области личных прав и свобод, а также других прав, предусмотренных конституцией. (...) Складывается впечатление, что по отношению к одним моделям поведения толерантность растет, а по отношению к другим — как раз наоборот. В качестве примера можно привести Марш независимости. С одной стороны, полиция не реагирует на некоторые выходы во время марша, с другой — энергично винтит участников контрманифестации», — Адам Боднар, уполномоченный по правам человека. («Пшеглэнд», 4-10 дек.)

- «Мы очень скоро можем оказаться в полицейском государстве. (...) Когда будет уничтожен механизм, позволяющий в условиях сильного общественного напряжения менять правительства при помощи избирательного бюллетеня, единственным инструментом перемен станет улица. Поляки выйдут на улицу в целях самообороны. А полицейское государство, почувствовав угрозу, будет в них стрелять. И что тогда будет — неизвестно», — проф. Кароль Модзелевский. («Политика», 15-21 нояб.)
- «Проф. Анджей Ледер выдвинул идею построения политического содружества. Она заключается в том, что стороны, которые ненавидят друг друга и не чувствуют между собой никакой объединяющей связи, кроме общих обстоятельств, должны договориться не убивать друг друга и не сажать оппонента в тюрьму». (Ядвига Штабинская, «Дзенник газета правна», 24-26 нояб.)
- «“Свободу люблю и постигаю” — под звуки этой песни 19 октября перед дворцом культуры и науки в Варшаве совершил самоожжение Петр Щенсный. Эта же песня, исполненная вживую, звучала на его похоронах, которые прошли вчера (...) в Кракове. Несколько тысяч присутствующих прощались с “простым неприметным человеком”, который (...) бросил вызов нынешней власти. (...) Службу за упокой души Петра Щенсного отслужил епископ Тадеуш Перонек, фрагменты Евангелия зачитал о. Войцех Леманский, (...) литургию совершил о. Адам Бонецкий. (...) В соответствии с последней волей умершего во время траурной церемонии собирались пожертвования на приюты для бездомных животных». («Супер экспресс», 15 нояб.)
- «“Я, простой неприметный человек”, — эти слова вместе с датой “19 октября 2017 года” находятся на гранитной плите, вставленной недавно в панель площади перед дворцом культуры и науки, рядом с почетной трибуной. Эти слова взяты из манифеста, который оставил Петр Щенсный перед тем, как поджечь себя на этом месте». (Михал Войтчук, «Газета wyborcza», 16 нояб.)
- «О. Адам Бонецкий утратил привилегию свободно высказываться в СМИ. Теперь он может лишь сотрудничать с редакцией “Тыгодника повсехного”», — сообщил в субботу интернет-портал Польской провинции Ордена мариан. («Газета Польска подзенне», 20 нояб.)
- «С понедельника специально укрепленные барьеры охраняют Сейм от людей, которые в снег и дождь протестуют перед парламентом в защиту независимости судов. А внутри, невзирая на протесты оппозиции, ПИС с президентом Дудой форсируют два закона, которые, по мнению экспертов, ставят под удар принцип разделения властей. (...) Первая председатель Верховного суда Малгожата Герсдорф в своем выступлении подчеркнула, что ПИС пытается внедрить механизм, “открыто подрывающий независимость судопроизводства”. (...) После нее слово взял Адам Боднар, уполномоченный по правам человека: “На наших глазах происходит смена государственного строя, осуществляемая посредством принятия новых законов, а не изменения конституции”. (...) Боднар заявил, что эти законы “уничтожают столетнее наследие Верховного суда и основы нашей государственности”». (Войцех Чухновский, Лукаш Возницкий, «Газета wyborcza», 7 дек.)
- Меньше месяца назад президент Анджей Дуда говорил журналистам: «“Право и справедливость” (...) хочет исключить общественный элемент из Дисциплинарной палаты Верховного суда. Я (...) считаю, что общественный элемент в лице избираемых Сенатом заседателей должен присутствовать в Дисциплинарной палате и следить за тем, как эта палата дает оценку деятельности судей. (...) Представителей общественности там должно быть не меньше трех. (...) “Право и справедливость” направила проекты законов в Сейм, не представив их предварительно президенту. (...) В течение недели после скандала в парламенте они были приняты практически насильно. (...) Я не мог одобрить эти законы в их тогдашнем виде. (...) Не мог согласиться с наделением генерального прокурора огромными полномочиями, как это предлагала ПИС. (...) Вопросы формирования Национального судебного совета не должны решаться одной партией. (...) Президент — это не слуга парламентского большинства. (...) Президент — это слуга Речи Посполитой. А Речь Посполитая — это не только парламентское большинство. (...) Реформа системы правосудия, вручающая власть над жизнью и смертью множества людей министру юстиции, одновременно являющемуся генеральным прокурором — это опасная реформа». («Наш дзенник», 10-12 нояб.)
- «Голосами ПИС Сейм принял законы, подчиняющие польскую судебную систему политикам. На следующей неделе их должен одобрить Сенат. Никакой надежды на (повторное — В.К.) вето президента нет». («Газета wyborcza», 9-10 дек.)
- «Я очень жалею, что это случилось. (...) Рано или поздно польское правительство убедится, что политические, дипломатические, правовые и в конце концов экономические последствия вмешательства в работу судов будут очень серьезными. И тогда изменит свой курс. (...) Польшу ждут проигранные дела в Европейском суде по правам человека и Европейском суде. (...) Нельзя исключать, что Польша может быть лишена права голоса в Совете Европы. А инвесторы начнут нас сторониться. (...) Темп, с которым Польша теряет свою репутацию, ужасает. Когда я занял свою должность пять лет назад, Польша считалась примером для всей Центральной Европы. Сегодня же, как и Россию, Азербайджан, Турцию и Венгрию, ее упоминают среди стран, где нарушаются права человека», — комиссар по вопросам прав человека Совета Европы Нил Муйжниекс. («Газета wyborcza», 9-10 дек.)
- «В принятой вчера большинством голосов резолюции (438 голосов “за”, 152 — “против”, 71 — “воздержались”) Европейский парламент призвал польское правительство соблюдать принципы законности и демократии». (Артур Ковальский, «Наш дзенник», 16 нояб.)

- «15 ноября Европейский парламент принял резолюцию, в которой, в частности, выразил обеспокоенность предложенной реформой польской системы правосудия. (...) Европарламент призвал польское правительство осудить “ксенофобский и фашистский” Марш независимости. За принятие резолюции проголосовало шесть евродепутатов от партии “Гражданская платформа”. (...) И именно их фотографии повисли в субботу на импровизированных виселицах перед памятником Войцеху Корфанта в Катовице. (...) “Повода для вмешательства не было”, — комментирует подкомиссар Томаш Гоголин, сотрудник пресс-службы воеводской комендатуры полиции в Катовице. (...) После инцидента с виселицами заявление о совершении преступления в прокуратуру направил Комитет защиты демократии». (Дариуш Кортко, Мартин Петрашевский, Томаш Чоик, «Газета wyborcza», 27 нояб.)
- «После инцидента прошло четыре дня. (...) Полиция “подготовила видеоматериалы, установила фамилии правонарушителей и передала их в прокуратуру”. Прокуратура же объявила, что в первую очередь будут допрошены... евродепутаты, портреты которых повисли на символических виселицах, сообщает радио “Zet”». (Зузанна Домбровская, «Жечпосполита», 30 нояб.)
- «В понедельник Национальный совет правосудия отложил передачу полномочий всем 265 будущим ассессорам из списка министра юстиции. (...) “Сомнения вызывают не только формальности при назначении ассессоров, но и сами нормативно-правовые акты, на основании которых эти люди попадают в суды. При этом совет не намерен требовать проверки этих норм, поскольку считает это неконструктивным”, — говорит судья Вальдемар Журек, пресс-атташе Национального совета правосудия». (Михал Вильгоцкий, «Газета wyborcza», 3 нояб.)
- «Суд отменил решение Беаты Шидло. Мотивировка, правда, осталась тайной». «Полковника Яна Монку незаконно лишили доступа к секретной информации, признал воеводский апелляционный суд в Варшаве и отменил все четыре решения премьер-министра Беаты Шидло и начальника Агентства внутренней безопасности Петра Погоневского». (Изабелла Кацпшак, «Жечпосполита», 7 нояб.)
- «Идет замена председателей судов по всей Польше, в соответствии с принятой летом и подписанной президентом новой редакцией закона о судах общей юрисдикции». («Тыгодник повсехны», 3 дек.)
- «Растет количество приговоров по делам о преступлениях против правосудия. Это касается, в частности, ложных показаний, доказательств и обвинений, экспертных заключений, а также нарушений судебных запретов». («Жечпосполита», 1 дек.)
- «Польское правительство не согласилось, чтобы Венецианская комиссия в ноябре прибыла в Польшу с целью контроля за реформой правосудия. (...) В конце ноября Венецианская комиссия представила польскому правительству свое предварительное заключение. “Оба проекта (закон о Верховном суде и закон о Национальном совете правосудия) ставят судебную систему под непосредственный контроль со стороны парламентского большинства, а также главы государства. Это противоречит принципу разделения властей. Венецианская комиссия призывает президента снять свои проекты либо подвергнуть их глубокой и комплексной редакции”, — говорится в заключении». (Лукаш Возницкий, «Газета wyborcza», 4 дек.)
- «Против изменений в закон о выборах и избирательный кодекс, предлагаемых ПИС, нужно решительно протестовать. (...) В Польше продолжается захват государства, осуществляемый ПИС. Он начался с захвата Конституционного трибунала, продолжился атакой на систему правосудия, теперь на очереди избирательное право. (...) ПИС хочет установить в Польше свою авторитарную власть! И чтобы граждане были у них под сапогом! (...) ПИС располагает большинством в каждой парламентской комиссии, за исключением разве что комиссии по этике. Сейм и Сенат проголосуют так, как надо партии власти, а Конституционный трибунал все это утвердит. На проект закона о выборах, подготовленный ПИС, президент должен наложить вето. (...) Изменив законодательство о выборах, ПИС лишит граждан пассивного избирательного права», — Павел Кукиз, лидер движения Кукиз’15. («Жечпосполита», 6 дек.)
- «То, что мы наблюдаем сегодня — это только законодательное закрепление определенного технологического процесса, строительство правовой системы, которая позволит легализовать свободное размахивание дубинкой», — цитирует Кароля Мозделевского Магдалена Гроховская. («Газета wyborcza», 25-26 нояб.)
- «Архив Осятынского — это место, где собрана информация и аналитика относительно инициатив этой власти. (...) Профессор Виктор Осятынский в своем устном завещании (...) сказал: “Очень важно скрупулезно фиксировать все действия людей и власти, нарушающие закон. Это может изменить позицию власть имущих, а также избирателей”. (...) Материалы в архиве систематизированы так, чтобы их можно было найти по дате, тематике, разновидности документа, фамилии автора анализа. (...) Пользование архивом бесплатное. Архив содержится на добровольные пожертвования». (Эва Седлецкая, «Политика», 29 нояб. — 5 дек.)
- «“Ни одна страна не может давать оценку реформам, проводимым другой страной, входящей в ЕС. Но у нас есть фундаментальные принципы, охраняемые Хартией ЕС по правам человека и договорами Евросоюза. На страже этих принципов стоит Европейская комиссия и Европейский суд. И мы будем действовать, опираясь на выводы, которые делает в своей работе Европейская комиссия. В работе, которой руководит вице-председатель Европейской комиссии Франс Тиммерманс”, — заявил президент Эммануэль Макрон в четверг во время совместной пресс-конференции с премьер-министром Беатой Шидло в Париже. (...) “Я очень рада, что господин президент принял приглашение совершить визит в Польшу в будущем году. (...) Для нас это очень важно, поскольку Польша, как и Франция, ценит демократию, свободу, справедливость и солидарность”, — заявила

Шидло». (Томаш Белецкий, «Газета wyborcza», 24 нояб.)

- «Согласно опросу исследовательского института “Pollster”, проведенного 27-29 ноября, 67% поляков считает, что Беата Шидло — это лучший премьер-министр. Всего 15% видят в этой роли Ярослава Качинского, 12% — Матеуша Моравецкого, еще 6% — кого-то другого. 62% респондентов не хотят, чтобы Ярослав Качинский занял пост премьера, и только 24% были бы таким вариантом довольны». («Супер-экспресс», 1 дек.)
- «В пятницу со своей должности была уволена Беата Шидло. (...) Премьер-министром назначен Матеуш Моравецкий. Во вторник новый премьер выступит перед Сеймом». («Газета Польска цодзенне», 9-10 дек.)
- «Мы можем сказать о ПИС немало плохого, однако это первая партия, отказавшаяся от циничной политической практики включения в свою предвыборную программу множества обещаний без какого-либо намерения их выполнять. (...) ПИС показала, что держит слово, по крайней мере в том, что касается ее основных проектов. Выполнение своих обещаний становится стандартом. Любопытно, как поведут себя другие партии», — Пшемислав Садура. («Пшеглэнд», 20-26 нояб.)
- Поддержка партий: «Право и справедливость» — 38%, «Гражданская платформа» — 18%, Кукиз'15 — 9%, «Современная» — 8%, крестьянская партия ПСЛ — 5%. Избирательный порог составляет 5%. Опрос агентства “Kantar Public”. («Жечпосполита», 8 нояб.)
- «В странах ЕС средний размер помощи в сфере льгот на детей и семейных пособий составляет сегодня около 10 178 злотых в год. В Польше эта сумма составляет 8 225 злотых. По данному критерию мы находимся на четвертом месте после Франции, Венгрии и Австрии. («Жечпосполита», 24 нояб.)
- «Сегодня 21,9% жителей нашей страны угрожает нищета. (...) По этому показателю мы почти сравнялись с Бельгией (20,7%), Германией (19,7%) и даже Францией (18,2%). Франция тратит на социальные расходы почти 31,5% своего национального дохода, Бельгия — 29%, Германия — 25,3%, (...) наша страна — 20,2%». (Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 29 нояб.)
- «Новый сотрудник “Лидла” в зависимости от местонахождения магазина зарабатывает 2550-3000 злотых “брутто”. После двух лет работы кассир зарабатывает уже от 3000 до 3400 злотых “брутто”. (...) Учитель-стажер (после трех лет учебы) в начальной школе получает 2019 злотых “брутто”. (...) На руки он получает около 1550 злотых. (...) Младший библиотекарь с 29-летним стажем работы и средним образованием получает 1655 злотых “нетто”, человек с высшим образованием и 6-летним стажем работы получает вознаграждение в размере 1387 злотых, а через 11 лет эта сумма повышается на 100 злотых. После 38 лет работы библиотекарь зарабатывает уже 1867 злотых. (...) Хранитель музея с кандидатской степенью после 7 лет работы получает 1439 злотых в месяц». (Каролина Новаковская, «Дзенник газета правна», 17-18 нояб.)
- «По данным фирмы “Седляк & Седляк” президент “Ястжембской угольной компании” (с участием государства) Даниэль Озон в 2017 году получает зарплату в размере 132 тыс. злотых в месяц, что в год составляет 1,6 млн злотых. Ежемесячная зарплата среднего поляка составляет 4 тыс. злотых, что составляет в год 48 тыс. злотых. После 4 лет работы пенсия Даниэля Озона будет составлять 5 тыс. злотых, среднего поляка — 155 злотых». («Супер-экспресс», 29 нояб.)
- «Темпы роста польской экономики в 3-м квартале достигли 4,7% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. (...) Среди 20 стран ЕС, которые уже обнародовали данные о своем ВВП за 3-й квартал, нас опережают только Румыния и Латвия. Теми же темпами, что и Польша, развивается Чехия. К самому быстрому за последние десять лет росту потребления прибавилось увеличение объема инвестиций, а также хорошие результаты внешней торговли». («Жечпосполита», 15 нояб.)
- «За эти двадцать лет трансформации польская экономика деградировала. Большинство ее экспорта по-прежнему составляет малопереработанная продукция. Высокопереработанная составляет только 8%, кроме того, она в основном выпускается филиалами западных корпораций. (...) Если наш ВВП не превышает 3%, мы начинаем переживать. Поскольку эти 3% — прибыль зарубежных корпораций. (...) У нас появилась модель зависимого капитализма, при которой люди работают и не зарабатывают. Те, кто не уехал, работают в бедных фирмах, где царят патриархальные нравы, а зарплаты низкие. И все это несмотря на строительство автострад и новых домов, а также появление новых институций», — проф. Тадеуш Клеменсевич. («Пшеглэнд», 13-19 нояб.)
- «Несмотря на то, что государственный долг в 2016 году вырос на 88 млрд злотых (самый большой рост за всю историю), по-прежнему принимаются решения, отягощающие бюджет новыми обязательствами. В будущем году одни только расходы на программу 500+, а также расходы, связанные со снижением пенсионного возраста, превысят 35 млрд злотых (1,8% ВВП). (...) Правительству придется влезть в еще большие долги. Когда через два года прекратится хорошая конъюнктура, деньги просто кончатся, и Польша окажется под угрозой финансового кризиса. (...) Сегодня на 100 работающих человек приходится 35 пенсионеров, но через двадцать лет их количество вырастет до 65. (...) Снижение пенсионного возраста (...) вместе с решением о повышении школьного возраста до семи лет уменьшат количество рабочей силы в польской экономике на 13-15%. В сочетании с неизбежным ростом налогообложения и стагнацией инвестиций (...) это будет означать постоянное торможение развития», — проф. Дариуш Росати. («Жечпосполита», 27 нояб.)
- «В ноябре произошло ухудшение общественных настроений. По данным ЦИОМа, с 49 до 44% уменьшилось количество поляков, считающих, что ситуация в стране развивается в лучшую сторону, и с 36 до 40% выросло количество тех, кто считает иначе. По сравнению с октябрьскими опросами ухудшилась оценка респондентами

политической ситуации в Польше». («Жечпосполита», 16 нояб.)

- «2016 год был вторым годом подряд, в котором зафиксирован низкий уровень исполнения расходов на многолетнюю программу “Приоритетные задачи модернизации вооруженных сил Республики Польша в рамках оперативных программ”, в ходе реализации которой финансируются ключевые мероприятия по модернизации польской армии. На эти цели удалось потратить 60,3% от запланированной в законе о госбюджете суммы. Расходы на многолетнюю программу “План технической модернизации” не растут. (...) Хотя финансовое исполнение программы находится на относительно высоком уровне (выше 90%), однако эти средства тратятся на задачи, которые не были признаны приоритетными. (...) Сумма выделенных за последние годы и неосвоенных задатков выросла с 5 млрд злотых в 2015 г. до 9 млрд злотых и выше в 2016 г., что обеспокоило Высшую контрольную палату. Задатки на приобретение самолетов для перевозки VIP-персон были выплачены из средств, предназначенных на оборону, за счет других расходов». (Томаш Дмитрук, «Нова техника войскова», №11, 2017)
- «В последние годы в Польше изменилась система командования. (...) Поставлен крест на непрерывности подготовки командного состава. (...) Польские “F-16” размещены всего лишь на двух базах. (...) Пилоты по-прежнему проходят обучение только в США. (...) Никто не планирует приобретения наиболее востребованных наблюдательных систем дальнего действия и определения целей. (...) А без них даже лучшие эффекторы совершенно беспомощны. (...) Вместо новых идей и поддержки современных подходов (...) нынешние власти создают партизанскую армию по образцу почти столетней давности. (...) Министерство обороны перехватило контроль над военной промышленностью, но это не привело ни к чему, что могло бы укрепить ее и открыть к международному сотрудничеству». (Томаш Хыпкий, «Рапорт войско техника обронность», №10, 2017)
- «По мнению министра обороны наша армия “способна защитить польскую суверенность”. Остается надеяться, что нам не представится возможность проверить это утверждение». (Зузанна Домбровская, «Жечпосполита», 16 нояб.)
- «Лидер партии уверен, что Польша в безопасности, что ей не грозит нападение извне, поэтому в соответствии с его волей оборонное ведомство возглавил человек, который готовит правящий лагерь к внутреннему конфликту. А политика нынешней власти вполне может привести к такому конфликту», — проф. Роман Кузнар. («Жечпосполита», 13 нояб.)
- «Министр обороны Антоний Мацеревиц выдал себя с головой, выступая перед молодежью, обучающейся перед поступлением на службу в войска территориальной обороны: “Вам выпала самая огромная честь, какую только может представить себе человек — пролить кровь за отчизну. Вы будете защищать Польшу от внешнего врага, если он на нас нападет. И будете защищать Польшу от врага внутреннего, который у нее уже имеется!”». (Станислав Тым, «Политика», 15-21 нояб.)
- «Построить наисовременнейшую тюрьму в Европе пообещал вице-министр юстиции Патрик Який. Исправительное учреждение, которое обойдется бюджету в полмиллиарда злотых, появится в Бжеге в Опольской Силезии. (...) Здание будет занимать участок площадью в 10 гектаров. (...) Стоимость работ составит 500 млн злотых. В тюрьме сможет содержаться до 1500 человек». («Жечпосполита», 30 нояб.)
- «Сегодня ключевые общественно-политические решения принимает человек, который в официальной структуре государства занимает довольно скромное место. Он обычный депутат. Его реальная власть обусловлена той ролью, которую он играет в правящей партии, властью и авторитетом, которыми он в этой партии пользуется. Модель, когда первый секретарь правящей партии занимает ведущее место на политической сцене, а правительство является орудием в его руках, хорошо знакома нам со времен ПНР. (...) Председателю Качинскому необходимо, чтобы ключевые посты в государстве были заняты послушными ему людьми. Однако его совершенно не заботит престиж государственных институтов и авторитет людей, которых он поставил на эти должности», — Александр Халль. («Политика», 29 нояб. — 5 дек.)
- «В конце 2016 года 74% поляков “определенно соглашались” и “скорее соглашались”, что “нашей стране вместо гражданских прав нужен настоящий закон и порядок” (...); 73% соглашались, что “нашей стране более всего нужен сильный, решительный лидер, который победит зло и укажет нам истинный путь”», — проф. Кристина Скажинская. («Газета wyborcza», 18-19 нояб.)

4: Экономическая жизнь

Более 66% поляков зарабатывают меньше средней по стране. «Таким образом среднюю заработную плату получает меньшинство», — пишет Адриана Розвадовская в «Газете wyborczej». В гендерном аспекте ситуация следующая: меньше 4346 злотых брутто зарабатывали на конец минувшего года 70% женщин и 62% мужчин. «Женская» и «мужская» средняя зарплата также различаются. В октябре 2017 года среднестатистический мужчин зарабатывал 4706 злотых брутто, а женщина — 3971 злотый. То есть зарплата мужчины была в среднем на 734 злотых брутто (18,5%) выше, чем у женщины. А по профессиям? Меньше всего получают те, кто занят неквалифицированным трудом: мужчины в среднем 2893 злотых брутто, женщины — 2416 злотых. В сфере услуг и торговле соответственно 2910 и 2596 злотых брутто. Минимальная разница среди офисных работников. Здесь женщины получают приблизительно на 100 злотых брутто меньше, чем мужчины. Чем выше уровень

оплаты, тем значительнее дифференциация в заработке у мужчин и женщин. Разница в оплате труда связана, разумеется, не только с недооценкой труда женщин, но также и с тем, что с учетом частых перерывов в работе, связанных с материнством, женщинам труднее продвигаться на более высокие, а стало быть, более высокооплачиваемые должности.

Вьетнам становится для польских фирм одним из стратегических экономических партнеров в Юго-Восточной Азии. С прошлого года — это крупнейший торговый партнер Польши среди стран АСЕАН с точки зрения величины товарооборота. Экспорт во Вьетнам систематически растет: в 2016 году он составлял 213 млн евро, тогда как в предшествовавшем году — 202,5 млн, а двумя годами ранее — 130 млн. Завершившийся год принес повышение уровня продаж польских товаров на вьетнамском рынке. В наступившем году развитию двухсторонних экономических отношений предстоит еще более ускориться, чему должен способствовать состоявшийся в конце ноября визит президента Анджея Дуды во Вьетнам. С президентом прибыла экономическая миссия с участием польских предпринимателей. До сих пор крупные польские фирмы особо интенсивно сотрудничали с Вьетнамом в тяжелой промышленности — добывающей и судостроении. Малые и средние фирмы осваивают другие направления, ориентируясь преимущественно на потребительский рынок. Быстрый экономический и демографический рост Вьетнама открывает благоприятные перспективы для местного рынка потребительских товаров. Росту польского экспорта во Вьетнам должен также способствовать договор о свободной торговле, соглашение о котором достигнуто между этой страной и Европейским союзом.

Власти города Сувалки (Северо-Западная Польша) постановили, что с 2018 года родители всех детей, прописанных в городе, освобождаются от оплаты за детские сады. Платным будет только питание. Кроме прописки, условие пользования этой льготой — отсутствие долгов по налогам. До сих пор правом на бесплатный детский сад в Сувалках пользовались родители детей 3 и 4 лет, при условии, что сами родители не старше 35 лет. С начала 2018 года критерий возраста не будет приниматься во внимание. Все большее число местных органов самоуправления финансирует жителям бесплатные детские сады. С сентября 2017 года стали бесплатными детсады в Варшаве. Благодаря отмене оплаты, родители смогут сэкономить в домашнем бюджете до 1000 злотых в год. Кроме того, снижаются экономические барьеры в доступе к дошкольному образованию для семей с низкими доходами. Как следует из анализа текущего положения, финансовые затраты на эти перемены не будут слишком отягощать бюджеты городов.

Все указывает на то, что автодилеры в абсолютном большинстве стран Европейского союза смогут 2017 год отнести к удачным. Как свидетельствуют обобщенные данные, за десять месяцев (с января по октябрь) своих покупателей нашло свыше 12,8 млн новых автомобилей. Однако не повсюду в салонах динамика была одинаковой. К общему росту рынка ЕС решительно присоединилась Испания, где октябрьские продажи пошли вверх на 13,7%, а также Франция, где продажи увеличились в такой же мере, как в Италии. Здесь автомобили покупают с воодушевлением: рост продаж с января 2017 года составил 9%. Неохотно приобретают машины в Германии, где отмечено лишь 2,3% роста продаж. «Шкода» — лидер польского рынка — нарастила продажи с середины октября. Цены «Октавии» снизились на 8 тыс. злотых, «Фабии» — на 4,5%. По итогам десяти месяцев чешская марка — обозначив существенное превосходство над конкурентами — продала у нас 5 тыс. автомобилей, что составило 13% всего польского рынка новых легковых автомобилей.

Польский рынок алкоголя оценивается в сумму около 33 млрд злотых, — сообщает газета «Жечпосполита» на основании доклада фирмы «Nielsen». Вся отрасль показала рост с октября 2016 года по сентябрь 2017 на 1,4% (в масштабе года), но с дифференциацией по категориям. Продажа виски поднялась на 14%, достигнув почти 2 млрд злотых. Зато на 13% уменьшилась продажа сидра (это худший в отрасли результат). Рост рынка базируется на трех ассортиментных группах: столовые вина, игристые вина и виски. «Вскоре Польша станет страной, где среди трех наиболее продаваемых видов алкоголя не будет столового вина, — только пиво, водка и виски», — говорит Адам Длужинский, аналитик рынка алкоголя в фирме «Nielsen». Лучше всего продается шотландский виски (1,3 млрд злотых), намного отстают американский (0,45 млрд) и ирландский (0,1 млрд). С начала 2017 года наблюдается легкий тренд к спаду по количеству проданных бутылок, однако вырастает общая выручка. Это значит, что в Польше пьют меньше виски, но зато предпочитают более дорогие сорта. В исследовании «Nielsen» удивляет структура продажи водки. Пока доминирует продажа чистой водки в бутылках емкостью 0,5 литра и больше, однако этот рынок ужался. Все более популярными становятся вкусовые водки в емкостях 100 и 200 мл.

«Ограничивающие предписания при закупке крепкого алкоголя и запрет рекламы пива — это очередной замысел регуляции потребления алкоголя поляками», — пишет Петр Мончиньский в «Газете выборчей». Недавно Сейм принял закон, который разрешает территориальным самоуправлениям ограничивать продажу алкоголя ночью, то есть с 22 часов до 6 утра. Новый закон вводит также общий запрет распития алкоголя в общественных местах (гмины могут, однако, обозначать места, на которые правило не распространяется), а также дает возможность ограничивать число точек, торгующих алкоголем. Как заявляет министр здравоохранения Константы Радзивилл,

алкоголь слишком легко доступен и слишком дешев. Это главная причина, по которой почти 12% взрослых жителей Польши злоупотребляют алкоголем, то есть пьют спиртное с причинением вреда своему здоровью и обществу. Новые правила предусматривают скрупулезную проверку документов потенциальных приобретателей алкоголя в магазинах. Продавец будет иметь право отказать в продаже или подаче алкогольных напитков лицам, у которых не оказалось документов, удостоверяющих возраст.

E.P.